

ИЗ АРХИВА РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА АЩЕУЛОВА

кандидат социологических наук,
руководитель Центра социолого-наукоеведческих исследований
Учреждения Российской академии наук
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: asheulova_n@bk.ru

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА ЛОМОВИЦКАЯ

кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Центра социолого-наукоеведческих исследований
Учреждения Российской академии наук
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: lomov.vm@mail.ru

И. А. Боричевский — первый науковед в СССР

История науки, не включающая теоретическую рефлексию, может превратиться в собрание механически сложенных фактов. По этой, прежде всего, причине науковедческий анализ является необходимым средством исследования путей и механизмов развития науки, формирования теоретической модели научной деятельности.

Становление науковедения в СССР традиционно связывают с 60-ми годами прошлого века — временем «возрастания роли науки, ускорения научно-технического прогресса, развертывания научно-технической революции». Однако изучение исторической науковедческой ретроспективы представляет иные времена и лица.

В 20-е годы XX века в СССР была создана под руководством В. И. Вернадского Комиссия по истории знания, из которой в 30-е годы вышел Институт истории науки и техники АН СССР. Идеология рационализма, а вместе с ней и

идея рационального управления всеми сферами общественной жизни стали тем фундаментом, на котором был организационно задан Институт истории науки и техники. История науки, наукознание необходимы были, по мнению создателей института, для рационального управления наукой в рационально организованном обществе, каким мыслился СССР. С этими организациями связана деятельность историка философии И. А. Боричевского, убежденного материалиста, сторонника «подлинной философии науки», а также идеи «соединения естествознания с истинной философией науки».

Иван Адамович Боричевский (1892–1941) родился в Ковенской губернии. Учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета, который и окончил в 1915 году. В годы до революции занимался политической деятельностью, был членом университетской фракции РСДРП, в последующем от политической работы отошел. В постреволюционные годы преподавал в высших учебных заведениях Петрограда–Ленинграда. Со времени создания Института истории естествознания и техники АН СССР являлся его сотрудником. Был последовательным материалистом, критиком идеалистической философии (см. Ньютон и д'Аламбер (борьба за основы физики в XVIII в.) // Архив истории науки и техники. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1933; рец. на кн. Andre Laland. *Les theories de L'Induction et de L'Experimentation*. Paris: Voivin, 1929; и др.). Но при этом не допускал явной вульгаризации, не прибегал к политизации анализируемой проблемы, не использовал как средство аргументации отсылки к Ленину, что становится обязательным спустя короткое время. Интересен тот факт, что, отстаивая материализм, он обращался к мыслителям прошлого, для которых философское мировоззрение было неразрывно связано с наукой. Одно из первых имен в этом ряду — Эпикур.

В 1926 году И. А. Боричевский написал и опубликовал в журнале «Вестник знания», № 12 за этот же год, весьма актуально названную статью «Науковедение как точная наука». Уже во введении к статье он фиксирует немало проблем, которые в *наши дни* находятся в поле внимания *современного* науковедения. Автор отмечает, что не существует «...никакой организации науки как целого», «ни в одной из культурных стран не создано учреждения, которое бы занималось разработкой основных орудий научного познания... не производится ... никакого... учета наличных сил мировой науки — научных работников», «не существует ни одного научного учреждения, которое занималось бы... теорией науки», не ясна «роль науки в общественном целом». Далее возникает вопрос о том, какое место занимает наука «среди других видов деятельности общественного человека». Ответ автора звучит недвусмысленно: в переводе на язык современной социологии «положительная наука... является действительнейшей **производительной** силой общественного человека», — вывод, который был в последующие годы забыт. Лишь в 30-х годах XX века были опубликованы рукописи К. Маркса, в которых рассматривался вопрос о «науке как производительной силе общества», а в середине 1950-х годов И. А. Майзель, опираясь на идеи раннего марксизма, развил тезис Маркса о науке как важнейшей производительной силе общества. Завершая свои выкладки, И. А. Боричевский отвечает на ранее поставленный вопрос: «Чем должна быть наука о науке?». Это, во-первых, теория научного познания, но для современного читателя, как представляется, более значимым является «во-вторых» — наука о науке должна изучать общественное назначение науки. Самое подходящее

название науки о науке, по мнению И. А. Боричевского, «науковедение». Статья заканчивается удивительно современно звучащим пассажем: общество будущего — это общество, организованное «на началах науки. Объединение науки невозможно без самопознания науки. ...Науковедению принадлежит будущее».

К сожалению, эти идеи И. А. Боричевского в последующем не получили развития. Но ясно одно: сегодняшний исследователь науки обязан знать эту статью, эти идеи. Статью И. А. Боричевского редакция публикует в авторской версии орфографии и пунктуации.

Проф. Ив. Боричевский

Науковедение как точная наука

I

Современные теоретики точного знания не раз уже отмечали любопытное противоречие в развитии новой науки. С одной стороны, перед нами непрерывно растущее разделение труда в науке, научная *специализация*: великое здание научной мысли все больше начинает напоминать огромное промышленное предприятие, где каждый работник выполняет какую-нибудь частичную работу. С другой стороны, в той же мастерской современной науки не существует никакого объединяющего центра, никакой *организации* науки, как *целого*. До сих пор ни в одной из культурных стран не создано учреждения, которое бы занималось разработкой основных *орудий* научного познания, научных методов; более того, — не производится даже никакого сколько-нибудь полного учета наличных сил мировой науки — научных работников. Не существует ни одного научного учреждения, которое занималось бы изучением самой науки, как целого — *теорией науки*. Все так называемые «общие вопросы» целиком предоставлены личным усилиям, частному почину отдельных любителей.

Основные вопросы теории науки, в их обычной постановке, оставляют желать многого. Сюда относится, в первую очередь, такой вопрос: что такое сама *наука*, каковы ее орудия, предмет и познавательная ценность?

Разрешение этого важного вопроса, большею частью, предоставляется философам. Но философский туман, обычно поднимаемый вокруг этих «мировых вопросов», заслоняет иногда действительность даже от самых серьезных исследователей. Важный вопрос *о природе науки* безнадежно тонет в мутном потоке философской словесности.

Не иначе обстоит дело и с другим важным вопросом теории науки. Он гласит: какое место занимает научное познание среди *других видов* деятельности общественного человека, какова действительная роль науки в общественном *целом*? Само собой разумеется, решение этого важного вопроса невозможно без привлечения общественной науки — *социологии*. Но столь же ясно и другое: прежде, чем рассуждать об общественной роли науки, необходимо уяснить, что такое сама наука, раскрыть — *внутреннюю* ее природу.

Мы попытаемся установить ближайшую *внутреннюю* природу положительного знания, и в первую очередь выяснить своеобразные черты, отличающие науку от мышления ненаучного. Далее, опираясь на полученные данные, мы попытаемся наметить *общественную* роль науки и выявить ее действительное место в общественном целом.